

## Глава I

Этот человек был тих и неподвижен, словно каменный утёс. Каждая его черта была полной. У него были толстые голова, шея, плечи, грудь, живот, ноги, руки и пальцы. Широченные плечи. Заплывшие глазки. Толстый нос. Толстые губы. Большие толстые звуки в горле. Такой же широкий голос.

Мужчина на диване держал себя как необычайно сильный человек. Его присутствие было заметно. Он был не большим, но и не маленьким, ростом же примерно 177 сантиметров. Он излучал деловитую серьёзность.

У него была тёплая улыбка, и время от времени в его глазах мелькал дьявольский огонёк. Мацуо Сёдзан, так его звали. Он был героем каждого каратиста во всей Японии, — нет, во всём мире. Главный тренер в додзё карате Хокусинкан.

Сотни додзё по ту сторону океана носили его имя. Вместе со школами в Японии его учеников насчитывалось примерно пятьдесят пять тысяч.

То была заслуга Мацуо Сёдзана. Сейчас он был в кабинете главного мастера в главном додзё карате Хокусинкан в Икебукуро, Токио. Кабинет был обставлен просто. У окна стоял громадный стол, крепкий, сделанный из махагони. Ничего дороже него в комнате, наверно, не было. Фотографии шли рядами на стенах. На одной из них Мацуо Сёдзан боролся с быком, когда ему было только за двадцать. Снято было в тот самый момент, когда он ударил ребром ладони по рогу животного и сломал его. Фото было чёрно-белым, взвившийся в воздух бык оказался точно по его центру.

Ковёр на полу в кабинете был не таким уж дорогим.

На удивление стены в комнате почти никак не украсили узорами.

У дальней стены стоял книжный шкаф, с креслами напротив. Он держал только то, что было ему нужно, там, где нужно. Стол, ковёр и диван явно были из разных комплектов, но в этом кабинете они друг к другу подходили.

Мацуо Сёдзан сидел на диване и слушал ещё одного мужчину. У человека, который говорил с Сёдзаном, было привлекательное лицо, и он был чуть выше, но не таким толстым. У него была средняя комплекция. Волосы, за которыми он явно ухаживал, падали ему до плеч. Можно было спутать его с женщиной, но совершенно зря.

На нём был чёрный костюм. Его губы, слишком красные для мужчины, его костюм и белая кожа были чисты и строги. Это был Химэкава. Под тканью его костюма чётко обрисовывались мускулы. Сёдзан впился пальцами обеих рук себе в колени. Они были у него полными. Его кулаки выглядели тяжёлыми, словно оружие. Эти пальцы выходили на поединки с мастерами карате мирового уровня, они же их избивали. Эти голые руки могли убить человека.

— Значит, Идзуми просил его не навещать.

— Да, — кивнул Химэкава.

— Ну, если доктор сказал, что беспокоиться не о чем, поверим ему на слово. У парня кишка не тонка звать на бой Идзуми Соичиро.

— Тамба Бунсичи.

— Первый раз о нём слышу.

— Да, вы, наверно, о нём не знаете, но я слышал о нём много слухов.

— Вот как?

— Он приходит в самые разные школы боевых искусств и напрашивается на бой.

— Бросает вызовы додзё, значит?

— Все отказываются, но если кто-то выходил против него, они всегда проигрывали.

— Да? — Сёдзан расслабил пальцы и скрестил свои толстые руки.

— Иногда я слышал такие толки в своих разъездах, но встретил его только на поединке с господином Идзуми.

— Так ты видел его в бою?

— Умений ему не занимать.

— Интересно, не попробует ли он бросить вызов одному из моих додзё.

— Пока до этого не дошло. Иначе вы узнали бы об этом первым.

— Кстати говоря.

— Да?

— Директор нашего додзё Фукуока, господин Кавагучи.

— В чём дело?

— Слышал, он попал в больницу с травмами.

— Понятно.

— Кажется, причина травм — избиение.

— Его избили?

— Говорят, это случилось во время поединка с кем-то в его додзё.

— Вот как.

— Об этом знают только трое, не считая самого главу додзё.

— Ясно. Если человек, который стоит во главе одного из наших додзё полноконтактного карате, проиграл бой, наша репутация будет под угрозой.

— Тамба Бунсичи, — пробормотал Сёдзан.

— Хотите сказать, Кавагучи избил Тамба Бунсичи?

— Точно не скажу. Но после того, что ты рассказал о нём, кто знает...

Химэкава ответил молчанием.

— Кажется, у нас тут загадочный паренёк нарисовался.

— Именно так.

— Где-то там он занимается тем же, чем и я в молодости. И будет дальше... — жаркое пламя полыхнуло в глазах Сёдзана. — Интересно... — сказал он, сверкнув Химэкаве глазами.

— Что же вам интересно?

— В бою между тобой и тем Тамбой кто победит?

Химэкава спокойно выдержал взгляд Сёдзана.

— Трудно сказать.

— Говорить всегда легко.

— Не думаю, что смог бы победить.

— Думаешь, нет?

— Нет, — ответил Химэкава, склонив голову перед Сёдзаном. — Но я бы и не проиграл.

— Правда?

— В этом я уверен, — ответил Химэкава.

Сёдзан освободил скрещенные руки и посмотрел на Химэкаву. Его глаза, казалось, только что отыскивали что-то новое и интересное.

— Нечасто такое слышу.

Химэкава ничего не ответил.

— Ты сказал, что победить не сможешь.

— Да.

Когда Сёдзан это услышал, на его лице появилась полная улыбка.

— Хорошего мало.

— Именно так...

— Хочешь сказать, с ним надо драться мне, — с этими словами Сёдзан засмеялся своим широким смехом, — вот бы его на какой-нибудь наш турнир.

— Вышло бы прекрасное шоу.

— Интересно, смог бы он победить каким-нибудь хитрым приёмом.

— Верно.

— Кстати, Химэкава, ты говорил, что Тамба пользуется какими-то странными приёмами.

— Я в первый раз такой вижу.

— Помнишь, что это за приём?

— Да.

Услышав ответ, Сёдзан встал с дивана. Казалось, каменный утёс вдруг пришёл в движение.

— Попробуешь его на мне?

— Постараюсь, — ответил Химэкава и тоже поднялся на ноги.

Он медленно зашёл Сёдзану за спину и левой рукой зажал его левую руку у него за спиной. Правую руку он справа обернул вокруг лица Сёдзана, а потом заблокировал ей его правую руку у его левого плеча, соединив с его левой рукой.

— Должно быть вот так, — сказал Химэкава и выпустил руки.

— Любопытно, — пробормотал Сёдзан и вернулся в прежнее положение.

— Знаете этот приём, он назывался...

— Удушающий-Куриное Крыло.

— По-моему, Тамба сказал, что его называют именно так, и...

— Что ещё он сказал?

— Что увидел его по телевизору.

Сёдзан, лишь услышав эти слова, залился хохотом.

— В чём дело? — спросил Химэкава.

— Это приём из про-реслинга.

— Про-реслинг?

— Его как-то и на мне использовали.

— Неужели?

Сёдзан побывал в поединках не только с каратистами, но и с рестлерами. Химэкава только что об этом вспомнил.

— Это показали по телевизору?

— Ну, пусть реслинг, который показывают по телевизору, — та ещё показуха, каратист, который пользуется такими приёмами... — губы Сёдзана изогнулись в усмешке; на секунду он стал похож на какого-то дикого зверя, — очень любопытный боец.

Потом Сёдзан взглянул на Химэкаву так, будто только что вспомнил что-то, что забыл рассказать.

— Слушай, — он понизил голос, — Симура и Цуруми в ярости.

— Эти двое?

— Симура и Цуруми с Идзуми подольше, чем ты.

— А, ясно.

— Они хотят найти Тамбу и отдать ему должок. Они были тут в тот же день, когда ты сообщил мне новость.

Химэкава молчал.

— Не знаю, стоит ли их останавливать.

— Что вы им сказали?

— Сказал им оставить его в покое. Нам такие драки ни к чему, всё пойдёт кувырком. Но когда-нибудь...

— Что значит когда-нибудь?

— Когда-нибудь я сам займусь этим Тамбой.

— Разумеется.

— Знаешь, что?

— Что?

— Обожаю такие драки.

— Вам они нравятся?

— Может, я и поторопился. Может, рановато делать выводы, нравится мне это или нет. У меня просто руки уже чешутся устроить бой. Я начинаю жалеть, что стал таким деловым человеком.

— Вы завидуете Тамбе?

Сёдзан ничего не ответил Химэкаве, только откинулся на диване.

— Хокусинкан примет любой вызов.

В глазах Сёдзана была сталь.

Химэкава поднял на него глаза.

— Симура и Цуруми, ничего мне не сказав, обошли все наши додзё в Японии.

— Что, каждое?

— Попросили связаться с ними, если увидят кого-то, кто подходит под описание Тамбы.

— И никому ничего не сказали?

— Если они зашли в каждое додзё, они не могли не знать, что рано или поздно я об этом узнаю. Для них игра, видимо, стоит свеч.

Химэкава ничего на это не ответил.

— Если они отыщут этого Тамбу, ты сразу мне об этом доложишь.

— И зачем?

— Я отправлю тебя туда, где окажется этот Тамба.

И снова Химэкава отвечал молчанием.

— Им не справиться, понятно? Дело важное, усёк?

Молчание.

— Меня они не слушают. Другого выхода нет. По-тихому разобраться не выйдет: если кого-то убьют, проблем потом не оберёмся. Разбираться придётся тебе на месте.

— Я понимаю.

— И Тамбу приведи ко мне, если получится.

Химэкава ничего не сказал.

— Хочу на него взглянуть, — сказал Мацуо Сёдзан себе под нос, глядя на Химэкаву.

## Глава II

Шёл дождь. Бунсичи Тамба стоял и мок под его холодными каплями. Дождь поливал ветки вдоль дороги.

Он стоял напротив десятиэтажного здания, глядя вверх на третий этаж. Там большими красными буквами было написано «Про-Реслинг Восток-Запад».

Плечи на его кожаной куртке намокли и почернели. В правой руке он держал свою потёртую сумку. Она тоже намокла и была забрызгана грязью. Дождь просочился через куртку и уже мочил его хлопковую рубашку.

— Ну и чего ты встал столбом под дождём, — спросил Рёдзи.

Он стоял рядом с Бунсичи, приоткрыв рот. Волосы налипли ему на лицо. Его глаза светились, как блестящее остриё ножа.

— Если тебе что-то нужно от Про-Реслинга Восток-Запад, значит, давай уже, заходи.



Бунсичи вряд ли решил послушать Рёдзи, но он опустил глаза вниз. Перед ним был вход. Не сказав ни слова, Бунсичи прошёл через двери.

— Дубина, — сказал Рёдзи и сплюнул на землю. — В лоб на них пойдёшь?

— Ага, — ответил Бунсичи.

Не глядя на лифт, он пошёл к лестнице.

— Ты серьёзно?

— Если боишься, то можешь подождать здесь.

— Не боюсь! Тем более рестлеров каких-то, — выплюнул Рёдзи.

Они поднялись на третий этаж. Наверху им сразу бросилась в глаза вывеска Про-Реслинг Восток-Запад.

Буквы уже выцвели и стали прозрачными. Теперь они стояли напротив этой двери. Рёдзи выпрямился и громко сглотнул.

— Это офис. Здесь не будет рестлеров, — бросил Бунсичи Рёдзи через плечо и открыл дверь.

За ней было очень большое помещение, где больше чем десять столов стояли сдвинутыми вместе. У стены висели стальные полки для документов. Нетрудно было заметить, в каком лихорадочном ритме шла работа. Это был офис, где целые стопки бумаги будут появляться у тебя на столе, пока ты всё ещё возишься с остальными, и час за часом расти.

На полу в углу лежали кучи спортивных газет. Повсюду валялись подшивки. Наверно, все важные статьи из них были подшиты и убраны на полки. На одной из полок всё было завалено журналами про реслинг. Они все были старыми, но хранились бережно и не пылились. Сейчас в офисе было человек шесть. Один мужчина сидел за телефоном и что-то яростно записывал себе ручкой. Первой Бунсичи увидел девушку, которая разгребала свою работу за столом у входа.

— Чем могу помочь? — спросила девушка и поднялась с места.

— Мистер Кавабэ здесь? — спросил Бунсичи.

— Да, — ответила девушка и немного занервничала.

— Скажите ему, что пришёл Тамба.

— По какому вопросу? — спросила девушка, и тут дверь за ней распахнулась.

Из дверей вылетел человек, похожий на шкаф, чуть не сняв её с петель. Это был иностранец с такими мускулами и сложением, что с первого взгляда нетрудно было понять, что он был рестлером. На нём были джинсы и шерстяная рубашка. Волосы у него были светлые. В руках он держал высокую шляпу, а на лице у него была написана злость. Второй человек вышел следом за ним. Он был низковат и приземист, но тоже выглядел как рестлер. Он был японец и носил белую рубашку и чёрные брюки.

Иностранец прошёл мимо Бунсичи и схватился за ручку входной двери. Открыв её, он что-то прокричал через плечо. От него разило перегаром.

Тот, что вышел за ним, что-то ответил. Тогда иностранец сказал что-то ещё, явно упомянув: «Трахнуть твою мамашу в её дыру». Молодая девушка, сидевшая на входе, сказала второму мужчине:

— Мистер Кавабэ, это мистер Та...

— Тамба Бунсичи, — закончил Бунсичи за неё.

— Тамба? — переспросил Кавабэ неуверенно.

— Я приходил бросить вызов додзё, — сказал Бунсичи.

Выражение на лице Кавабэ медленно переменилось, — он узнал Бунсичи.

— Так это ты.

— Не забыл меня?

— Я помню, — ответил Кавабэ.

Он улыбнулся.

— Думал, ты меня можешь уже и не вспомнить.

— Нет, я тебя помню. Из всех, кто бросал нам вызов, ты держался лучше всех.

Бунсичи кивнул и пошёл к двери, поманив Рёдзи рукой, пока Кавабэ говорил девушке приготовить им чай. Потом он вернулся через открытую дверь к себе в кабинет. Его и остальное помещение разделяла перегородка. Внутри были стол и кое-какая простенькая мебель.

— Присаживайся, — сказал Кавабэ и сел сам.

Бунсичи тоже сел, глядя на Кавабэ. Диван был мягким, в него можно было провалиться. Кажется, до него там сидел кто-то очень важный.

— Ну и ну, — сказал Тамба.

Кавабэ уже знал, к чему это «ну и ну».

— Это рестлер-иностранец, Бешеный Пёс.

— Из-за денег спорили?

— Да, жаловался на гонорар, — ответил Кавабэ, глядя на Рёдзи, которому явно было неловко.  
— Можешь присесть, — сказал он.

Рёдзи наконец сел рядом с Бунсичи.

— Ты его сын?

— Нет, — ответил Рёдзи, — я его лучший ученик.

— А, вот как? — ответил Кавабэ, повысив голос. — Набираешь учеников?

— Он мне не ученик. Просто увязался за мной, — отвечал Бунсичи.

Кавабэ задержал на них взгляд, улыбнулся и вздохнул.

— Скажу тебе честно, эти иностранцы-рестлеры меня достали.

— Такие же, как вон тот?

— Ага. Узнал, что ему платят меньше, чем Сину-Молоту, и закатил скандал.

Бунсичи ничего не сказал.

— В общем, Син не такой уж сильный рестлер, и опыта у него меньше. Но тут не Америка. Син популярнее. Мы в Японии. Они хорошие рестлеры, но сами себе на уме.

— Понятно.

— Нам не нужны бойцы, которые могут взять и пьяными запрыгнуть на ринг. Они постоянно говорят, что перейдут в какую-нибудь другую организацию, ну а я просто говорю им: пусть катятся к чёрту.

— Неужели...

— Столько гонора. Я ему сказал, попробуй цемент с Сином, победишь — подниму оплату. Только он это услышал, сразу захлопнулся и покатился домой. Мало кто готов выйти с Сином на цемент. Выше головы не прыгнешь, они эти прекрасно понимают.

— Что за цемент?

— Такие матчи проводит, например, наш Кадзивара, — в глазах Кавабэ проступила ностальгия.  
— Сколько уж лет прошло?

— Шесть.

— Неужели так давно...

— Вижу, ты ещё не растерял форму.

— Спасибо. Додзё больше нет.

— Того, что в Синдзюку?

— Угу.

— Так больше некому тренироваться.

— Думаешь, приятно вечно терпеть над ухом ораву бахвалов или выходить на бой, когда тебе уже под сорок. Теперь работаю в офисе. Иногда зовут на ТВ комментатором.

Бунсичи промолчал.

— Эти рестлеры из-за границы — сплошная головная боль, и больше ничего.

Тут девушка, которая сидела на входе, зашла с подносом чая. Когда она вышла, он продолжил:

— Итак, чем обязан?

— Ничего нового.

— Хотел бросить вызов додзё?

— Можно сказать и так.

— Ты набрал массы. Хочешь присоединиться? — сказал Кавабэ вполне серьёзно.

— А можно?

— Будут кое-какие правила. Например, есть чёткие ограничения по возрасту.

Бунсичи ничего не ответил.

— Но знаешь, ты теперь намного сильнее, чем был тогда, так что исключение сделать можно. Замолвлю за тебя словечко боссу, он тебя посмотрит...

— А это зачем?

— На основной бой тебя никто не пустит, но без дела явно сидеть не будешь. Начинать придётся с младшего эшелона. А в целом, рестлеров у нас сейчас хватает.

— И один из них — это Кадзивара?

— Да.

— Можно вопрос?

— О чём же?

— Шесть лет назад в своём эшелоне насколько Кадзивара был силен?

Кавабэ ответил лишь молчанием.

— Теперь-то ты можешь мне сказать, да?

— Лучшим. Ему не было равных, — сказал Кавабэ.

Бунсичи улыбнулся.

— Полегчало?

— Ещё как.

— Но всё-таки он был только начинающим.

— Я понимаю.

— Он сразу выделялся на фоне остальных.

— Чем?

— Много работал на удары ногами. Мог бить высоко, как каратист. Знаешь Мацуо?

— Из Хокусинкан?

— Будь ты помоложе, они бы приняли тебя к себе, только борьбу пришлось бы ещё подтянуть.

— Спорить не буду.

— Даже Мацуо заинтересовался нашим Кадзиварой, говорил ему бросить про-реслинг и уйти в Хокусинкан, зубы заговаривал.

— Но почему Мацуо Сёдзан?

— К про-рестлерам в додзё часто приходят те, кому хочется провести с нами бой. Такие же, как ты.

На это Бунсичи ничего не ответил.

— Обычно это какие-нибудь слабаки, но вот однажды пришёл человек, которого никто не смог тронуть и пальцем, а он ушёл с ринга на своих двоих, — Кавабэ взглянул на Бунсичи, пытаясь понять, догадался он или ещё нет. — Этим человеком и был Мацуо Сёдзан.

— Мацуо...

— И в про-реслинге, и в стиле Мацуо много борьбы: захватов и болевых.

Сказав это, Кавабэ прищурился, будто ослеплённый тёмным огоньком в глазах Бунсичи. Он почувствовал холодный укол страха в своём сердце. На секунду в воздухе повисла тишина.

— Я так и не договорил про условия, — голос Кавабэ окреп.

— Скажи, что мне делать.

— Чтобы присоединиться к нам?

— Нет, — сказал Бунсичи, ни капли не изменившись в лице.

Рёдзи сглотнул, и этот звук эхом раздался в комнате.

Медленно и чётко, чтобы Кавабэ понял ясно, что он ему сказал, Бунсичи произнёс:

— Я снова хочу бросить вызов додзё.

### Примечания

1. В отличие от про-реслинга, где бои изначально подаются как шоу, «цемент» — вид реслинга, где у бойцов нет сценария и победа не обговорена заранее.

### Глава III

Повисла долгая пауза. Всё это время Бунсичи и Кавабэ не сводили друг с друга глаз. Рёдзи смотрел в лицо то одному, то другому, заметив, как переменялась атмосфера. Кавабэ заговорил первым.

— Ты не шутишь, да?

— Ни капли.

— Прошлого раза мало было?

— Вполне достаточно. Я стал тренироваться.

— Чтобы встретиться с Кадзиварой?

— Так и есть, — в лоб отвечал Бунсичи. — До остальных мне дела нет.

Кавабэ склонил голову набок, глядя на Бунсичи.

— Нет, ничего не выйдет.

— Что значит не выйдет?

— Кадзивара сильно изменился.

— Я тоже изменился.

— Вижу.

— Тогда в чём проблема?

— Кадзивара теперь про-рестлер с контрактом.

Бунсичи молчал.

— Он не выйдет на бой с новичком.

Снова молчание в ответ.

— Не важно, насколько ты сейчас силён, ты будешь новичком. Никто тебя не знает, ты ни с кем не договоришься. Кадзиваре победа над тобой ничего не даст. Ни ему, ни мне. Зато, если он проиграет, куча людей лишится работы.

— Я ничего не говорил про бои на ринге.

— Не важно. Журналисты всё разнюхают. Даже если он победит, но останется с травмой, это будет удар по нам. И по Кадзиваре, естественно.

Бунсичи продолжал молчать.

— Думаю, что ты меня понимаешь... — сказал Кавабэ мягко, чтобы развеять между ними любую враждебность.



Первый раз за весь разговор Бунсичи опустил глаза.

Повисла долгая тишина. В конце концов Бунсичи заговорил опять. Казалось, его выворачивало наизнанку, и слова вырывались у него как мокрота из кишок.

— Слушай, Кавабэ, — он поднял голову. — Шесть лет. Я ждал реванша с ним шесть лет.

Кавабэ не отвечал.

— Три года назад я наконец решился провести бой с ним ещё раз. Но тогда его не было в Японии.

Кавабэ так ничего и не сказал.

— Я видел его по телевизору. Я был тогда в Наре. Он уже вернулся в Японию.

Кавабэ ничего не ответил.

— У него была своя жизнь, у меня своя. Не всё всегда складывается как нужно.

Кавабэ скрестил руки, продолжая хранить молчание. Он с симпатией смотрел на Бунсичи.

Тот взглянул на него.

— Сколько я надрывался, — сказал Бунсичи, — и всё это время думал о том, как проведу с ним бой ещё раз.

Бунсичи не стал описывать, как именно он тренировался. Это было не нужно: Кавабэ своими глазами видел, чего тот добился. В их первую встречу Кавабэ сказал Бунсичи, что ему нужно поднабрать массы.

Тогда тот думал, что его комплекция идеальна. Теперь его тело было не просто оптимально, оно стало чем-то совершенно новым. Оно стало тяжёлым оружием, — тяжёлым, но с огромной силой. Кавабэ новыми глазами взглянул на человека перед собой. Теперь он впечатлял его ещё больше, чем несколько минут назад. Тело Бунсичи, сидевшего на диване, странно давило на него. Он был человеком-оружием, казался ещё сильнее, чем тот рестлер из другой страны, который вырвался из кабинета.

Кавабэ не мог позволить этому человеку драться с Кадзиварой.

— Я этого не допущу, — сказал Кавабэ.

— Даже если я попрошу, ты же не скажешь мне, где Кадзивара, так?

— Верно, — кивнул Кавабэ.

— Значит, придётся искать самому, — сказал Бунсичи и поднялся с дивана.

Рёдзи тоже вскочил на ноги.

— Я могу выйти с тобой на бой вместо Кадзивары, что ты на это скажешь? — сказал Кавабэ и тоже встал.

Бунсичи, который собирался уже развернуться к двери, остановился.

— Что ты сказал тогда, шесть лет назад? Что хочешь драться со мной? — Кавабэ медленно кивнул головой.

— Я скажу тебе то, что ты ответил мне.

Молчание.

— Тебе меня не победить.

— Не попробуешь — не узнаешь, — отчеканил Кавабэ.

— Так я тебе ответил в тот раз, — тихо сказал Бунсичи.

— Да, так и было, — сказал Кавабэ, и на его лице появилась тень улыбки.

— Но ты же знаешь.

Кавабэ стоял молча.

— Я выиграю, — сказал Бунсичи.

Несколько секунд они изучали друг друга. Потом Бунсичи повернулся к Кавабэ спиной.

— Я знаю, — сказал Кавабэ ему вслед.

Бунсичи оглянулся через плечо:

— Тебе не спасти от меня Кадзивару. Не важно, когда и где, даже не пытайся.

— Я не могу позволить тебе с ним драться, но и остановить тебя я не сумею.

Бунсичи промолчал.

— Я лишь прошу, когда вы встретитесь, драться честно, без оружия.

— Ладно.

— Но знай, хоть меня это и не касается, сейчас Кадзивару тебе не одолеть.

— Остаётся лишь попробовать.

— Ты же знаешь, Кадзивара тоже может отказаться.

— Никто не станет сидеть и смотреть, как его избивают.

— Он уже не тот, что был шесть лет назад.

— Я тоже.

— Сейчас он может ломать кости, — Кавабэ говорил громко и чётко, чтобы Бунсичи его услышал.

Кавабэ протянул Бунсичи руку. Тот посмотрел на него. Кавабэ всё так же молча протягивал ему руку. Бунсичи медленно протянул свою в ответ. Их руки оказались одна на другой. В этот момент без всякого предупреждения произошло нападение. Рёдзи не понял, что это была за атака.

Оба схватились левой рукой за правый локоть оппонента, продолжая стискивать правые руки друг у друга, и казалось, что один пытается перевернуть другого. Треснул стол. В этот момент Кавабэ уложил Бунсичи на спину. Тогда-то он и услышал хруст.

Гадкий звук эхом отразился от стен комнаты. У Кавабэ вырвался крик. Бунсичи отпустил его руку. Средний палец Кавабэ был вывернут в суставе посередине.

— Мистер Кавабэ... — дверь распахнулась, вбежало несколько человек.

Они были офисными работниками, а не про-рестлерами, и в мире реслинга их называли бы

«белыми воротничками».

— Понял? — засмеялся он; это был горький смех. — Теперь я тоже умею ломать кости.

Кавабэ стёр испарину со своего лба и левой рукой схватился за правую. Бунсичи развернулся к двери. Белые воротнички расступились, словно красное море.

— Остановись! — крикнул Кавабэ Бунсичи, пока тот шёл к двери. — Ты об этом пожалеешь! Ты станешь врагом всего Про-Реслинга Восток-Запад.

Бунсичи молча вышел за дверь.

#### Глава IV

Из окна сочилась серая тьма. Это было огромное окно. От пола до потолка сверкало чистотой стекло в баре наверху, рядом с пентхаусами среди небоскрёбов Синдзюку. На земле тьма окружала здание на двести метров вглубь.

Никакого холода не чувствовалось сквозь стекло. Комнату наполнял тёплый воздух из прекрасно отрегулированного кондиционера. Стоило ему пройти через все системы, и он терял влагу и начинал уже пахнуть как-то искусственно. В нём не оставалось больше запахов, которые должны в нём быть, вроде запаха дождя, травы, выхлопных газов и земли. От такого воздуха сохнет кожа.

Во тьме внизу сверкали огни ночного города. Они были похожи на сотканных из света червей на дне океана темноты. Они были так далеко, что нельзя было рассмотреть каждую отдельную нить, они сливались в разноцветное полотно света. Такой открывался вид из толстого закалённого окна. Тепло, просачиваясь на улицу, медленно спускалось вниз, к земле. Если посмотришь на мир с такой высоты, кажется, что это другая планета. Ночные огни казались звёздами на просторах космоса.

В баре играла фоном музыка и витал табачный дым. Звучал какой-то старый джаз. Это был странный бар, тонувший в полумраке, и музыка с тихим ропотом голосов были тут не к месту. Мужчина и женщина тихо беседовали друг с другом. Звон от прикосновения к стеклу. Эти звуки были уже неотделимы от самого бара.

Здесь было несколько иностранцев. На углу до блеска отполированной барной стойки сидел мужчина. У него выпирала грудь и бугрились мускулы. На нём были синяя рубашка и расстёгнутый блейзер синего, как на флоте, цвета. Рукава его рубашки высывались из-под пиджака. Он носил их непринуждённо, как повседневную одежду, но на вид они были недешёвыми.

Среди мужчин в костюмах и женщин в вечерних платьях он почему-то казался лишним. У него

была мощная комплекция, но выделялся он далеко не этим. Он был блондин с ярко-светлыми волосами, а на лице у него волосы были чёрными. Он был японец и явно красил волосы. Окно было слева от него. Глядя сквозь него, он поднёс к губам стакан бурбона. Ему было немного за сорок, сорок пять от силы. Весь его подбородок был испещрён шрамами, будто канавками. Некоторые ещё были розовыми и свежими. Сжимавшие стакан бурбона пальцы были очень толстыми. Он один сидел за стойкой.

Какой-то мужчина в одиночестве вошёл в бар. Он был таким же крупным и одет был в поношенную мешковатую кожанку с выцветшими джинсами. Это был Бунсичи Тамба. Он подошёл к бару и осмотрелся. Скоро его глаза остановились на мужчине за барной стойкой. Медленно он подошёл к нему, стараясь не привлекать к себе его внимания лишними движениями. Он сел рядом с мужчиной. Тот повернулся посмотреть, кто же наплевал на остальные свободные места и решил подсесть к нему. Он увидел Бунсичи и разглядел его телосложение, но быстро потерял к нему всякий интерес и снова стал смотреть в окно.

Сзади они были похожи на небольшую гору мускулов. Оружие, сделанное из мяса и завернутое в ткань.

— Мне то же, что и ему, — сказал Бунсичи, взглянув на стакан в руках мужчины рядом с ним, а затем бросив взгляд на ожидавшего бармена.

Тот сразу понял заказ. Бунсичи добавил, пока бармен ему наливал:

— И ещё вяленой говядины.

Перед ним появился стакан бурбона. Вяленая говядина несколькими секундами позже уже стояла рядом. Он взял стакан и сразу опрокинул примерно треть. Бурбон был чистым, неразбавленным, его тепло перетекло с его языка к самому низу горла. Бунсичи медленно вернул стакан на стойку. Стакан был небольшим с толстыми стенками и выглядел так, будто его вырезали остриём ножа из цельного стекла.

— Чего тебе? — спросил мужчина.

Он всё ещё не поворачивал спины и вглядывался в темноту за окном. Можно было подумать, что он говорил это сам себе.

— Если я не ошибаюсь, вы мистер Датэ, — сказал Бунсичи как бы своему стакану бурбона.

Мужчина выглянул в окно. Его светлые волосы оказались у Бунсичи прямо под носом. Он ничего не говорил. Мужчина излучал какую-то особенную силу, когда повернулся к Бунсичи.

Тепло его мускулов просочилось через одежду и повисло в воздухе.

— Меня зовут Бунсичи Тамба.

— И чего ты хочешь? — спросил он, глядя через стекло на город.

— Хочу задать вопрос Датэ Усио, могучему Быку.

Мужчина, которого звали Датэ, ничего не ответил. Он просто поднёс стакан бурбона к губам и дальше глядел в окно.

— Я узнал от редактора журнала по про-реслингу, что вы остановились в этом отеле.

— Мы тут живём каждый раз, когда у нас шоу в Токио, — сказал он, — мы, иностранцы, — добавил он чуть более низким голосом.

— Иностранцы?

— Меня считают за иностранца. По контракту с Про-Реслингом Восток-Запад.

Датэ поставил стакан на стойку. Он медленно развернулся к Бунсичи. Их глаза встретились. Бунсичи заглянул к нему в глаза и увидел там свет тёмного пламени.

— Ты знаешь, почему я сижу в этом баре?

— Слышал, что вы нечасто ходите на улицу. Я искал вас по всем барам в этом отеле.

— Хм, — пробормотал он и сел вполоборота к Бунсичи.

Сиденье стула повернулось вместе с Датэ со скрипом металла о металл.

— Ну, и в чём вопрос?

— Мне нужно кое-что узнать, — ответил Бунсичи, не сводя взгляда с Датэ.

Тот опустил на него глаза, будто лезвие топора.

Этот мужчина внушал своим видом трепет, и мало кто мог смотреть ему в глаза больше пары секунд, не отводя взгляда.

— Так что ты хотел знать? — Датэ начинал терять терпение.

— Скажите, как попасть на ринг без приглашения.

— Без приглашения? — переспросил Датэ вдруг ослабшим голосом.

— Без приглашений, — сказал Бунсичи.

Последовала недолгая пауза.

— Ты рехнулся?

— Может быть, но я серьёзно.

— Серьёзно? — если бы это был не бар, он наверняка скривил бы лицо так, будто собирается сплюнуть.

— Кто ты? Вроде на любителя не похож, — сказал Датэ уже тоном чуть тяжелее.

Его голос стал грубым, будто шёл из глубины горла. Он медленно оглядел Бунсичи с ног до головы.

— Путешественник.

— Это я увидел сразу, как только ты сюда зашёл. Но я спрашивал не об этом, — его голос оставался на удивление спокойным, — я хочу знать, зачем.

— Мне очень нужен бой с одним человеком

— С кем?

— С Кадзиварой, — ответил Бунсичи.

Теперь глаза Датэ засверкали чуть другим огнём.

— Это ты сломал Кавабэ палец.

— Так ты слышал обо мне

— Конечно слышал. Слышал, что какой-то дурак решил бросить Кадзиваре вызов.

— Значит, можно уже не объяснять.

— Нет, ты всё-таки объясни, зачем ты пришёл меня искать?

На это у Бунсичи не нашлось ответа.

— Про-Реслинг Восток-Запад мне платит, но я не числюсь в их списках. Так и есть, но мне всё равно не нравятся типы, которые хотят им насолить.

— Мне этого не нужно. Я так и сказал Кавабэ.

— Так ты мне решил нагадить?

Снова молчание в ответ.

— Мне, наверное, доплатят от федерации, если я прямо сейчас тебя отметелю и вышвырну в окно.

— Правда?

— Правда.

— Я думал, у тебя с федерацией остались счёты, счёты с Великим Тацуми, — сказал Бунсичи.

— Какие счёты?

— Он же из-за тебя перешёл в Центральный Про-Реслинг, — сказал Бунсичи с явным акцентом на «тебя».

Лишь услышав эти слова, Датэ вдруг напрягся всем своим телом. Он выглядел очень устрашающе.

— Узурпация Тацуми места во главе организации, кажется, на слуху у всех, кто крутится в реслинге. Когда Тацуми стал планировать всё по-своему, тебя уже тут не было, но, похоже, ты их заложил ещё раньше, чем всё началось, так что в итоге ничего не выгорело. Его погнали взащей в Центральном Про-Реслинге, и он основал Про-Реслинг Восток-Запад.

Датэ ничего не говорил.

— Кстати, в Центральном Про-Реслинге накрылось основное событие, то есть твоё. Ты решил



податься за границу, чтобы не начинать с низов в Про-Реслинге Восток-Запад. Тацуми вроде как называет тебя предателем.

— Не знаю, где ты этого наслушался, но лучше держи свой язык за зубами.

— А сейчас тебе платит Великий Тацуми.

— Поосторожнее со словами.

Мускулы Датэ надулись под пиджаком-блейзером.

— Я читал об этом в книжке о про-реслинге — добавил Бунсичи, внезапно сменив тон на чуть более тактичный.

— Ну, и что ты знать-то об этом можешь.

— Ничего...

На это Датэ ничего не ответил.

— Нельзя верить на слово тому, что пишут в книгах. Таких невероятных событий в жизни не бывает. Из разных уст история всегда звучит иначе, и каждый думает, что знает, как всё было.

Датэ не сказал ни слова.

— Газеты просто больше слушают Тацуми, чем тебя.

— Я его и правда терпеть не могу, но есть целый мир, о котором знать могут только рестлеры.

В руках у Датэ что-то треснуло. По его стакану пробежала трещина.

— Твою мать.

Датэ взглянул на правую руку. Примерно у основания его пальца засел осколок стекла. Кровь капала оттуда, откуда он его вынул.

Датэ слизнул её.

— С вами всё хорошо? — спросил бармен, увидев кровь.

— Всё нормально, — сказал Датэ.

Бармен достал аптечку, но Датэ от неё оказался и обмотал палец платком. Люди вокруг тоже обратили на него внимание:

«Это же Датэ Бык». «Он про-рестлер». «Дерётся по бумажке», — слышался тихий голос откуда-то сзади.

— Здорово они, наверно, боятся настоящей крови, — сказал кто-то прямо за спиной у них двоих.

Тот же голос, что говорил про бои по бумажке. Датэ встал.

— Кто это сказал? — неожиданно резко спросил он.

Он посмотрел на столики, стоявшие за ними. За одним из них сидел мужчина средних лет в костюме. С ним была разодетая женщина. На мужа с женой они были не похожи, скорее пришли посидеть в баре, чтобы потом пойти к себе в номер и поразвлечься.

Мужчина раскраснелся. Явно успел поднабраться.

Датэ остановился глазами прямо на нём.

— Это ты, — сказал Датэ.

— И что вы хотите сказать? — спросил мужчина.

Мужчина был примерно одних лет с Датэ, но в физической форме между ними лежала целая пропасть.

— Ну-ка повтори, что ты сказал?

— Про подставные бои? — его голос чуть дрогнул. — Просто сказал правду.

Сейчас мужчина думал лишь о том, ударит ли его Датэ в баре на глазах у всех, кто в нём был. Женщин в том числе. Рестлеру могут даже запретить на время выходить на ринг, если он устроит драку публично.

Ни слова не говоря Датэ направился к их столу.

— Сэр! — позвал его бармен.

— Не волнуйся, — ответил Датэ.

Левой рукой он взялся за лоб. Миг, и он достал осколок стекла, который только что вытащил из руки, а потом вдавил его туда, где заканчивались его волосы. Он надавил туда пальцами. В воцарившейся вновь тишине раздался скрежет. Было слышно, как что-то рвётся и скрепит. Вонзив осколок в лоб, Датэ повёл его вниз. Румянец на лице мужчины сменился бледностью.

Женщина ахнула. Глубокая красная линия на лице Датэ становилась всё длиннее, пока он вёл по нему стеклом. Он подставил лицо человеку за столом, а красная полоса обогнула его нос и опустилась к губам.

Не успела кровь скопиться над его губой, Датэ показал свой большой розовый язык и слизал её. Женщина вскрикнула и встала. Мужчина тоже попробовал подняться, но коленями ударился о стол снизу. Бокал вина на столе перевернулся и окрасил скатерть в тёмно-красный.

— Т-ты...

Спокойствия на лице мужчины как не бывало. Он встал и выставил свой облитый вином трясущийся палец. Датэ заговорил прежде, чем успел бармен, который вышел из-за своей стойки:

— Не волнуйтесь, — сказал Датэ леденящим душу голосом, — больше никто не поранился. Я подошёл поздороваться с парой своих фанатов, но когда дотронулся до лица, в руке у меня всё ещё было стекло. Кажется, я их немного напугал. Прошу прощения, — сказал он, с усмешкой глядя на мужчину.

Тот быстро закивал.

— Прибери-ка здесь, — сказал Датэ и, положив забрызганный кровью стакан в руки бармена, повернулся к Бунсичи и улыбнулся окровавленным лицом. — Где можно умыться? — спросил он.

Бармен показал в угол бара.

— Нам больше не о чем говорить, так что когда вернусь, чтобы духу твоего тут не было, — бросил Датэ в сторону Бунсичи.

Мускулы Датэ надулись ещё сильнее, кажется, вместе с появившейся у него раной. Его голос стал спокойным.

Стоило Датэ зайти в туалет, раздался голос со стороны выхода:

— Мужик!

Клиенты стали сверлить глазами Кубо Рёдзи. Для него посетители таких баров были будто заклятые враги. Кажется, Рёдзи в своих джинсах был тут ещё меньше к месту, чем Бунсичи. Даже взрослому было бы непросто показаться в таком месте, не будь у него крепкой силы воли. С царившей тут теперь атмосферой могло показаться, что тебя хотят на кусочки разорвать.

— Ну наконец-то я тебя нашёл, мужик, — Рёдзи подошёл к барной стойке и тихо заговорил с Бунсичи.

— В чём дело?

— Тебя ищут какие-то парни в холле.

— В смысле?

— В прямом, они сейчас ждут в холле. Их было двое. Странные парни, расспрашивали меня о тебе.

— И что спросили?

— Хотели знать, где ты, и так просто не отпускали. Сказал, что сам не знаю.

— Что за парни?

— Каратисты. Мозоли на руках. По мне так на бешеных собак похожи.

— Каратисты, значит.

— Не нравятся они мне, им кто-то явно нужен. Знаешь их?

— Могу хоть полчаса таких перечислять.

— Я сделал вид, что пошёл искать туалет, потом отвязался от них.

— Да ну.

— Что «да ну»?

Бунсичи смотрел прямо за спину Рёдзи.

— Если вон те парни — это каратисты, то ты от них не отвязался, скорее, привёл их прямо ко мне.

Рёдзи вытаращил глаза, потом повернулся. Трое мужчин стояли в дверях.

— Это они.

Рёдзи стало жарко.

— Так значит, их было трое.

— Вот блин, — выплюнул Рёдзи.

Двое из них угрожали Рёдзи, но третьего он не видел. Они шли за ним по пятам. На это и был их расчёт, когда они подошли к Рёдзи, а он, видимо, им подыграл. Троица не спеша подошла к Бунсичи. Их рубашки и штаны обтягивали мышцы.

Трое мужчин обступили Бунсичи, словно лентой обернувшись вокруг него. Они встали не близко, но и не далеко, так, что Бунсичи не смог бы их ударить ни рукой, ни ногой, но и сбежать уже не мог.

— Бунсичи Тамба, верно? — сказал один из парней.

Бунсичи кивнул. Сейчас к нему и трём мужчинам были прикованы все взгляды. Мужчина и женщина, сидевшие только что за столом, исчезли. Какая-то необычная атмосфера повисла вокруг Бунсичи.

— Извините, вы мешаете клиентам... — сказал бармен.

— Мы скоро уходим.

Ещё пара глаз уставилась на Бунсичи.

— Что за дела? — спросил низкий голос.

Датэ вернулся из туалета и стоял позади троицы. На правой руке у него был повязан платок, на

лбу — кусок ткани того же цвета, что его сорочка, а из правого рукава его блейзера больше не торчал рукав рубашки.

— Не обращай внимания, они со мной.

— Неужели? — Датэ снова сел на своё место.

— Давай выйдем поболтать? — сказал один из парней.

— Можете для начала сказать, кто вы.

Один из них, чуть помедлив, сказал:

— Мы из Хокусинкан. Я Мацумото.

— Иками.

— Гото, — назвал своё имя последний.

— Хокусинкан?

— Помните Кавагучи из Фукуока. А ещё у вас был поединок с господином Идзуми.

— Был, — ответил Бунсичи низким голосом.

Трое парней вдруг выпрямились, напряглись.

— Теперь я хочу попросить вас принять вызов от нас троих, — сказал Мацумото твёрдым, как каменная стена, голосом.

— Вызов?

— Да.

— Прямо сейчас?

— Тут недалеко есть тихий парк.

— Хорошо.

Бунсичи встал с места.

— Эй! — окликнул Датэ Бунсичи.

Тот взглянул на стойку, где всё ещё стоял перевернутый стакан.

— Не забудь заплатить за выпивку...

Бунсичи достал новенькую купюру в пять тысяч йен и обыденным движением оставил на стойке.

— Идём.

Мацумото, Иками и Гото пошли за Бунсичи, направившимся к двери.

## Глава V

Тихий парк. Повсюду росли деревья. Там было так тихо, что как-то забывалось об оживлённых улицах не так далеко от него, с постоянно снующими туда-обратно автомобилями.

Ветки вишен скрывали устремившиеся ввысь небоскрёбы. Бунсичи стоял обеими ногами на земле, сняв куртку.

Его футболка обтягивала его мускулистый торс. У него были ноги, похожие на брёвна, растягивающие изнутри джинсы: они явно были сшиты не для того, чтобы поднимать ноги высоко вверх или свободно двигать ими в суставах. На нём была пара обычных кожаных ботинок. Трое мужчин напротив него не могли похвастаться той же мускулатурой, зато выглядели совершенно бесстрашно. У них было внушительное сложение, как у уличных гангстеров. Тот трепет, который внушали бандиты, был частью имиджа Якудзы. Но кое чем они отличались от обычных людей, вовсе не закалённым и многократно упрочнённым в тренировках телом. Казалось, они были сложены так же крепко с самого рождения.

Они внушали тот же трепет, что внушало оружие, способное убить человека. Бунсичи стоял под светом единственного фонаря, а трое мужчин скрывались во тьме. Они были на три или четыре года младше Бунсичи, каждому было чуть больше двадцати. Самым сильным из троицы выглядел Мацумото.

Наступала весна, но по вечерам всё ещё было прохладно. Рёдзи стоял чуть в стороне. На нём была кожаная куртка с закатанными рукавами. Издалека слышались звуки сигналящих машин и шум моторов. В этом не было ничего неожиданного, но они звучали так далеко, что казались какими-то нереальными.

Они стояли слишком далеко друг от друга, чтобы можно было нанести удар рукой или ногой. Для этого пришлось бы сделать ещё несколько шагов.

— Трое против одного, значит, — сказал Бунсичи.

Кажется, Бунсичи несколько не испугала мысль о бое три на одного. Он просто стоял и думал, с кого бы ему начать. Его ноги были расставлены не слишком широко, и он прочно держался на них. Чуть поменяв положение локтей, Бунсичи немного напрягся. Не встав в боевую стойку, он всё же принял боевую стойку. От него исходило такое напряжение, что было видно, что Бунсичи уже готов к бою.

— Кто будет первым? — спросил Мацумото.

— Как хотите, — ответил Бунсичи.

Мацумото ухмыльнулся.

— Хорошо, тогда как насчёт сразу трёх на одного.

Все трое назвали ему имена, и Бунсичи принял их вызов. Что сделано, то сделано. Это было немного неожиданно, но в конце концов он просто согласился на поединок, как это обычно и бывает. Бунсичи был не против драться с тремя противниками сразу.

Правила поединков никак не мешали им драться сразу втроём. Выйти на бой от имени полноконтakтного карате Хокусинкан само по себе было честью. Победа станет для них истинной добродетелью. Это будет настоящее карате вне стен додзё.

Так хотел драться Мацумото.

— Подло, — пробормотал себе под нос Рёдзи.

— Ладно, но тогда поблажек не ждите, — сказал Бунсичи.

Он смотрел на Мацумото, который стоял справа, Иками был в середине и Гото — слева. Даже если они пока не стали главными учениками в своих «классах», на вид они казались достаточно сильными, чтобы ими быть. А ещё они вряд ли были из тех каратистов, что сдерживают удары. От каты карате в парах — до удара в тело. Полноконтakтным каратистам явно было бы мало таких ударов, которые нужно остановить на два-три сантиметра от оппонента. С начинающим и такого карате может быть достаточно, но если враг — уже опытный боец, всего один сантиметр может оказаться решающим.

Не только сила, — страх подгонял сократить расстояние. Противник Бунсичи, однако,



действовал иначе. Мацумото и Гото вдруг двинулись в стороны и оставили Иками в центре. В этот момент это и случилось. Бунсичи, как порыв чёрного ветра, двинулся вправо. Теперь он был на несколько шагов ближе к Мацумото и застал врасплох противника, который не собирался ещё ни нападать, ни защищаться. Стоит сделать одно движение, и уже нельзя успеть сделать второе. Не хватит времени, а в это время он оказался ещё ближе к Бунсичи.

Тогда кулак Бунсичи полетел прямо Мацумото в лицо. Тот, не успев издать ни звука, отлетел назад. Он упал с раскрытым ртом и открытыми глазами, уже без сознания.

Перед тем, как он сам получил удар, Мацумото пытался провести удар ногой, но не успел, да и не удержал равновесие, так что его не пришлось даже блокировать. Бунсичи почувствовал, как в руке отдаётся, как он пробивает мышцы, ломает кости. Если каратист держит дистанцию, при этом движется навстречу противнику, первый удар он делает ногой, а не рукой. Нога длиннее и достанет противника дальше, чем рука. Очень редко они начинают бой с ударов кулаками; поэтому-то Бунсичи и бил кулаком.

— Гх-а-а...

Бунсичи повернулся к Иками; тот приготовился к бою и развернулся, отрывая ногу от земли. Почти сразу же после того, как Бунсичи ударил Мацумото, — словно это всё было одно движение, — нога Бунсичи вошла Иками в живот всем своим весом. Сила этого удара могла рассечь ему брюхо напополам. Ноги Иками взмыли в воздух, когда он полетел назад. Руки Бунсичи задвигались чуть быстрее, сжались в кулаки, развернулись навстречу Гото. Этого было достаточно, чтобы Гото остановился там, где он стоял.

Рот Мацумото стало заполнять что-то густое и красное. Кровь у него из носа стекала двумя струйками вокруг носа и оставалась лужицей на земле. Иками лежал на земле и издавал какие-то звуки, как будто пытался молиться, выплёвывая изо рта всё содержимое желудка.

Кислый запах заполнил ночь. Гото не сдвинулся с места. Он побледнел.

— Зачем я был вам нужен? — спросил Бунсичи.

Гото ничего не ответил. Бунсичи вдруг вспомнил мужчину с длинными волосами, свидетеля их поединка с Соичиро. Химэкава со стороны Хокусинкан. Идзуми его представил.

— Вам что-то рассказывали?

— Нет, — сказал Гото, медленно пятясь, чтобы не попасть под удар.

Бунсичи шёл за ним, пока тот отступал. Расстояние между ними не менялось.

— Мы просто тебя искали, а когда нашли, должны были всё сообщить наверх.

А потом, никому ничего не сказав, они решили разобраться сами. На лбу у Гото выступили капли пота. Всё ещё в стойке, Бунсичи стал удаляться от Гото.

— На этом, наверно, и закончим, да? — сказал Бунсичи. — Не могу же я навалить единственному человеку, который может помочь этим двоим. Придётся тогда самому звонить в скорую.

Бунсичи отошёл ещё дальше и вышел из боевой стойки. Гото показалось, что все силы вдруг его покинули. Бунсичи даже не запыхался.

— Пошли, — крикнул он Рёдзи.

— Крутяк! — наконец заговорил Рёдзи. — Ты разнёс Хокусинкан как щенков! — продолжал он, не в силах сдержать голоса в порыве эмоций.

Бунсичи повернулся к нему спиной и направился к выходу из парка.

— Стой! Мужик, подожди меня!

Рёдзи поспешил за Бунсичи. Из тени, отбрасываемой ветвями вишен, напротив него возникла тень ещё больше.

— Очень неплохо, — сказала тень.

Голова у неё была обёрнута тканью. Перед ним стоял тот самый мужчина, с которым они разговаривали в баре.

— Ты видел? — спросил Бунсичи, остановившись взглянуть на Датэ.

— Да, одним глазком.

— Но это ведь было не твоё дело? — сказал Бунсичи.

Датэ совсем немного повернул голову в сторону, когда ответил:

— Я слышал, что это был Хокусинкан.

— Хокусинкан, говоришь?

— Да. Кое-кто, я смотрю, нажил там врагов.

— Они мне не враги.

— Ага, но они так явно не думают.

На это Бунсичи ничего не ответил.

— Драться с каждым один на один и Мацумото оставить напоследок было бы чуть потяжелее, — сказал Датэ с лисьей ухмылочкой. — А ты решил выйти против троих разом, чтобы они подумали, что у них преимущество, и зазевались. Да, у тебя явно кишка не тонка.

— А по-моему, это у вас там принято бить, не дожидаясь начала боя, — ответил Бунсичи.

Датэ рассмеялся.

— Да ты юморист.

— Не знаю, это первый раз, когда меня так называли.

— Мне нравятся такие парни.

— Что, теперь нравятся?

— Хотел спросить у тебя одну вещь.

Бунсичи молчанием дал понять, что слушает дальше.

— Зачем тебе драться с Кадзиварой? Из-за денег? Думаешь, соберёшь полные трибуны, если уложишь его?

— Неа.

— Нет?

— Мне просто нужен бой с ним.

— Хорошо, но зачем?

— Однажды я проиграл Кадзиваре. Он уложил меня в партер и заставил кричать. Я всё ещё слышу этот крик.

Пока он говорил, тёмное пламя вспыхнуло в глазах Бунсичи.

— Месть?

— Можно и так сказать.

— Станный ты парень.

— Всё очень просто.

— Я дерусь за деньги. Стал сумоистом, чтобы заработать денег, ни в чём не нуждаться. В про-реслинг тоже попал ради денег.

— Я слышал, ты был одним из лучших в реслинге.

— Да, но ты стал бы рестлером, не думая о гонорарах, — сказал Датэ, бросив взгляд на Бунсичи.

Тот снова ничего не сказал.

— Кадзивара точно такой же. Может, ещё больше, чем ты.

— Кадзивара?

— Да, он тоже не может спать спокойно, пока где-нибудь есть кто-нибудь сильнее его. В этом-то плане он, наверно, ещё отчаяннее тебя.

— Ого, даже так.

— Да, он будто с другой планеты прилетел. Про-реслинг в общем-то похож на самый обыкновенный бизнес. Только по-настоящему особенным людям удаётся блистать на фоне остальных.

— Значит, Кадзивара особенный?

— Пожалуй. У меня есть ещё один вопрос к тебе.

— Какой?

— О том, что ты у меня спросил. Ты хочешь запрыгнуть к Кадзиваре на ринг, правильно?

— Да, хочу провести с ним бой.

— Любитель не может выйти на бой с кем ему захочется.

— Я не любитель.

— В мире про-реслинга ты любитель. Хотя мог бы заработать неплохие рейтинги.

— Запрыгнув на ринг?

— Да.

— Об этом договариваются перед матчем?

— Типа того.

— Что значит «типа»?

— Иногда всё обговаривается перед боем, а иногда — нет. Иногда в курсе только тот, кто запрыгивает на ринг, а иногда предупреждают и того, с кем он будет драться.

Бунсичи ничего не говорил.

— Иногда промоутеры сами поручают кому-нибудь запрыгнуть на ринг. За деньги. Иногда так можно продать больше билетов, а иногда сами рестлеры пытаются заработать на таких боях. Но на каждый случай есть чёткие правила, которым нужно следовать.

— Серьёзно?

— Например, нужно обязательно предупредить промоутера.

— Промоутера, значит?

— Да, чтобы он сказал, окупится это или нет.

Бунсичи промолчал.

— Это всё обязательно нужно обсудить. Станут люди делать ставки или нет.

— И стиль... — проговорил Бунсичи.

— Ага. Свои фишки нужно иметь в любой индустрии. Или к верхам тебе дорога закрыта. Что гангстер, что бизнесмен должен уметь работать мозгами, иначе будет болтаться в самом низу.

Бунсичи не хотелось ничего на это отвечать.

— В общем, в реслинге бал правит чётко обозначенная иерархия. Система стабильная. Заранее решено, кто и кем будет. Начинающие рестлеры не могут побеждать у опытных.

— И как они распределяют победы и поражения?

— Сложно сказать. Всё зависит от того, насколько боец успешен, насколько активно его обсуждают и всё такое.

Бунсичи снова ничего не отвечал.

— Но и это пока не всё, о чём тебе стоит знать.

— Да ну?

— Можно прорваться к вершине. Если ты достаточно хорош. Я вот сказал, что начинающим не победить опытных рестлеров, но иногда всё-таки можно. Если он правда этого хочет. Тогда можно не скакать от канатов, никаких защит-нападений. Выбирать надо цемент.

Бунсичи отвечал молчанием.

— Но всё равно новичку победить уже опытного рестлера будет сложно. Потому что есть рефери. От него-то во многом и зависит исход поединка. На самом деле, их просто набирают по объявлению, даже если называют потом красиво рефери. Компаниям лишние риски не нужны. Но даже так некоторые рестлеры всё равно побеждают.

— И что тогда?

— О, куча всего.

Молчание.

— Если не станешь драться так, как это принято у рестлеров, начнут применять к тебе всякие меры.

— Что за меры?

— Бывало, выставляли против них противников намного сильнее, их избивали, ещё и на зарплате это сказывалось. Иногда организация разрывает с тобой контракт. Иногда могут и человека с ножом подослать, пока ты идёшь ночью домой...

— Страшно.

— Но кое-кто смог так прорваться достаточно высоко. Главное, чтобы собиралась толпа. Главное делать деньги. Если на тебя ставят, и у тебя куча фанатов, промоутер будет за тебя горой.

Бунсичи промолчал.

— Многие рестлеры выходят на болевые, ломают руки, ноги. Это всё брехня и сказки. Если они и правда кому-то что-то сломают на ринге, журналисты их сожрут. Дело решённое.

Бунсичи не сказал ни слова.

Датэ взглянул на него и промолчал. В его глазах промелькнула горькая ироничная улыбка.

— Мы как-то отошли от темы. Ты спрашивал про Кадзивару.

— Ах да.

— Ты говорил, что хочешь запрыгнуть на ринг и вызвать на бой Кадзивару.

— Верно.

— Это будет сложно... — сказал Датэ, не глядя на Бунсичи.

Стройные ветви вишни закачались на ветру.

— Придётся закатить целое представление, и когда ты выйдешь с ринга, о тебе всё равно никто ничего не узнает.

Бунсичи ухмыльнулся, глядя на Датэ.

— Что смешного? — спросил тот.

— Я пришёл к тебе не для того, чтобы ты рассказывал мне всё с такой серьёзной миной, — отвечал Бунсичи.

Датэ усмехнулся. Повязка у него на лбу была тёмной от крови. Но улыбка исчезла с его лица вместе с дуновением ветерка.

— Хокусинкан, значит? — выплюнул он эти слова, чтобы ветер унёс их прочь.

— Давние счёты? — спросил Бунсичи.

— Между прочим, когда-то я дрался с Мацуо Сёдзаном. На ринге.

— Тем самым Мацуо Сёдзаном?

— Ага.

— Когда это было?

— Уже давненько. Когда мы выступали в программе Центрального Про-Реслинга. Я тогда был намного моложе. Всего второй год в реслинге. Я сказал тебе, что выхожу драться за деньги... но это не совсем правда. Я очень хотел стать сильнее. Был в себе очень уверен. Тогда мне казалось, что в своём эшелоне я был лучшим.

Теперь Датэ уже не смотрел на Бунсичи. Его взгляд устремился во тьму, где шумел ветер.

— А потом пришёл Мацуо. Как ты. Бросил вызов додзё.

— Он?

— Ага, и я был его противником. Один. Никто больше не решился, а я в тот момент был лучшим в нашем клубе.

— И?

— Я продул. Всухую.

С этими словами Датэ оттянул губы и показал свои зубы. Они были белоснежные и крепкие.



— Это не мои зубы. Мацуо все их повыбил, — сказал Датэ.

Перед глазами у Бунсичи возникло лицо Датэ с окровавленным ртом.

— Он забил меня руками и ногами, а в конце взял моё плечо в захват.

«Только один человек смог покинуть ринг без единой царапины», — слова Кавабэ звучали у Бунсичи в голове. Это мог быть Мацуо Сёдзан. Бунсичи промолчал.

— Он не человек, но и не зверь. Таким я его запомнил. Огромный. Словно комок чистой силы. Кому бы он не бросил вызов, лучшим из лучших, годами в тренировках, победа всё равно останется за ним. Про-рестлеры для него — пустое место. Если ты его увидишь, ты всё поймёшь. Когда я согласился на этот бой, я этого не понимал; я не увидел бездонной пропасти, которая нас разделяла. Тогда-то я бросил гнаться за силой и стал работать за деньги, — сказал Датэ.

Что-то защемило в груди у Бунсичи.

— Мацуо Сёдзан... — чуть огрубевшим голосом пробормотал он.

## Глава VI

На арене эмоции, энергия более чем трёх тысяч зрителей били через край. Коракуэн Холл<sup>1</sup>. Она ломилась от людей, кто-то из смотрел стоя. Датэ, выступающий под именем Свирепый Бык, и Бешеный Пёс только что закончили сдвоенный поединок с Кавафутой и Вакабаяси из федерации Реслинга Восток-Запад. Теперь шёл десятиминутный перерыв, его называли «техработами на ринге».

В середине сражения Датэ и Пёс схватили оружие и разбили Кавафуте в кровь лицо. Потрясающий бой. Кавафуту били на земле, пока он лежал и не мог пошевелиться, а Датэ снова и снова падал на него всем своим весом. Тут Вакабаяси вылетел из угла ринга и пнул Датэ в спину.

Арена стала бесноваться. Эмоции и крики болельщиков перелились через край, отмеренный такому бою. Трибуны стихали, но раз за разом начинали бурлить с новой силой. Толпа бесновалась, а рестлеры ей подыгрывали.

Пёс был весь напряжён и отлично проводил все приёмы, но больше всего толпа кричала в предвкушении следующего поединка, с Кадзиварой. Датэ наконец отыскал себе оружие, но потом его отвлёл рефери, и тогда он получил удар ногами в воздухе. В конце концов Датэ и Псу присудили поражение, из-за того что они нарушили правила.

Кавафута с рассечённым лбом и Вакабаяси стояли с поднятыми рефери руками, но в тот день

проигравших не было. Сегодня им удалось провести не просто рестлерский поединок: они заставили толпу смотреть, не отрывая глаз, не получив при этом ни одной серьёзной травмы, и вышли в полу-финал. Боевой дух ещё витал в воздухе.

Бунсичи стоял у входа на балконы. Отсюда он смотрел на ринг, купавшийся в свете прожекторов. Это было странное зрелище. Без бойцов ринг казался слишком ярким и пустым. Перед глазами Бунсичи возник человек, который должен был там стоять. С чуть дряблой кожей. Его тело не могло похвастаться рельефом мышц, и его кожа поблёскивала, как чешуя пресмыкающегося. Кадзивара.

Бунсичи повертел это имя на языке. Оно звучало как-то странно. Перед мысленным взором Бунсичи стояли те огромные круглые глаза, шесть лет тому назад.

Эти глаза, ставшие такими острыми и пронзительными, когда он ступил на ринг. Узкие, как глаза гадюки. Всё, что у него получалось сейчас представить, были его лицо и его мускулы, упругие, как резина. Бунсичи спрашивал себя, насколько он мог измениться за эти годы?

Бунсичи обрубил себя на этой мысли. У него осталось пять минут. Смешанные чувства возникали у него при мыслях о Кадзиваре. Он спрашивал себя, действительно ли он хочет снова бросить ему вызов. Временами тёмный огонь внутри него наконец унимался. Ему казалось, что он ведёт себя жалко, как ребёнок.

Тогда пронзительная боль рождалась вновь в плече Бунсичи. Он думал об этой боли, о том, как Кадзивара бросил взгляд на него, задыхавшего на полу. И конечно же тот огонь, что вспыхнул в нём от унижения его поражением. Бунсичи был одержим Кадзиварой.

Он вспомнил, как смотрел на него Датэ, когда спускался с ринга.

— Сюда, — сказал Датэ прошлой ночью, показывая на свой лоб.

Они сидели в номере Датэ и на двоих делили бутылку виски, которая входила в стоимость номера. Рёдзи тоже был там и пил разбавленный виски. Кровь из раны Датэ уже остановилась.

Красное мясо свисало там, куда он давил тогда своим пальцем.

— Бей вот сюда, — сказал Датэ. — Пусть будет побольше крови, даже если раны пустяковые. Много крови — не значит, что травма серьёзная. Если ты хочешь запрыгнуть на ринг, надо метить вот сюда, первым же ударом. Второго шанса не будет. Вокруг будет куча молодых ребят, но вряд ли они успеют сразу сообразить, что им делать. Надо с ними разобраться, пока они не поняли, что этого нет в программе. Если они тебя прижмут, то избыют до полусмерти. Ты потом встать не сможешь. Какой бы ты там ни был сильный.

— Понял.

— Если не будешь ему ничего выбивать, ломать, то рви оттуда когти сразу, как сможешь. Запомни, надо бить до крови, сразу же.

— Ага.

— Там будут телевизионщики, они снимают. Может, даже какие-нибудь репортёры спортивных журналов. А ещё парень, с которым Кадзивара дерётся. Главное не лезть на ринг, пока бой ещё идёт. До выхода с арены слишком далеко, — а на втором плане оставаться никто не любит, сам понимаешь. С ринга уходи в сторону выхода.

Бунсичи ничего не сказал.

— Даже если ты уйдёшь на своих двоих и даже если ты не собирался нарываться на неприятности, Про-Реслинг Восток-Запад тебе их устроит. Вот тогда тебе нужно связаться с журналистами, сказать, что это ты дрался с Кадзиварой и тебе нужен ещё один бой. Если выгорит, можешь остаться в плюсе. Но придётся вернуться на ринг к Востоку-Западу.

— Звучит непросто.

— Если передумаешь, Кадзиваре можно бросить вызов лично. Он точно против не будет. А вот Кавабэ...

— Хе-хе.

— В общем, что угодно может пойти не так. В этом бизнесе полно своих тонкостей. Сейчас я мало чем могу тебе помочь. Буду наслаждаться зрелищем. Мне всё равно, что там между вами с Кадзиварой, я буду простым зрителем.

Эти слова долго отдавались в ушах Бунсичи.

Наконец погасли огни арены. Её окутала тьма. Во всём здании свет остался только на ринге. Из темноты звучал быстрый мощный рок.

Арена взорвалась энергией. Толпа кричала невообразимо громко. Этот звук глубокой вибрацией отдавался где-то в животе у Бунсичи.

— Ка-Дзи-Ва-Ра!

«Ка-Дзи-Ва-Ра!» — с особым ударением на первую часть имени они скандировали и хлопали в ладоши.

Шум быстро заполнил всю арену. Кадзивара потерял чемпионский пояс в Америке перед самым возвращением в Японию. Он приехал домой, лишённый титула, но фанаты наверняка об этом знали.

Прожектор вдруг осветил место прямо за Бунсичи. Полуодетый человек в круге света начал двигаться в ритм музыке. На Кадзиваре не было никаких накидок или халатов. Он был точно таким же, как тогда в пылу битвы. На нём были рестлерские ботинки поверх рестлерских штанов

Глядя в пол, он совершенно обыденно затрусил к рингу. Справа и слева взрослые и дети болели за него.

Молодые парни расчищали ему дорогу в толпе. Кадзивара прошёл совсем рядом с Бунсичи. Тот мог слышать его тяжёлое дыхание. Сердце Бунсичи вдруг забилось в такт его вдохам и выдохам. Его мышцы внезапно разгорелись. Дёрнулись мускулы в его широкой сильной пояснице.

Кадзивара молча стоял в углу ринга, пока диктор объявлял бойцов. Бунсичи разглядел только его спину. Кадзивара стыдливо прятал лицо, это было видно даже сзади. Но Бунсичи знал. Он знал, что змеиные глаза-щёлочки смотрят исподлобья на его оппонента-иностранца.

Бунсичи не разобрал имени иностранца. Всё его внимание было приковано к спине Кадзивары. Его тело и лицо в общем-то не изменилось с их прошлого боя. Он уже видел эту спину, настоящая тугая резина.

Но в воздухе вокруг Кадзивары витала какая-то особенная атмосфера. Теперь он производил абсолютно другое впечатление. Как и Бунсичи, Кадзивара теперь был другим человеком. Бунсичи спрашивал себя, а помнит ли он его. «Я тут». Вот что он мысленно говорил Кадзиваре. Кадзивара понятия не имел, что Бунсичи собирается сделать, как только бой будет окончен. Бунсичи стиснул зубы.

Полная и свирепая улыбка появилась на его губах. Зубы, показавшиеся из-под его поднявшихся губ, закрипели. Несколько секунд прошло после гонга к началу боя. Кадзивара ударил ногой. Его правая нога оторвалась от мата. Пальцы его ног, сложенные остро, врезались в его противника, а затем взмыли ещё выше. Отличный удар, даже для опытного каратиста. Толпа бесновалась:

— Кадзивара!!!

С губ Бунсичи сорвался звук, который едва не перешёл в крик.

У Кадзивары были те самые змеиные глаза, когда он смотрел на своего противника, скорчившегося на мате.

#### Часть 4: Вторжение. Конец

#### Примечания

1. Коракуэн Холл — арена в Токио, где традиционно проводятся поединки в различных единоборствах, в том числе бои популярных рестлеров.

<http://tl.rulate.ru/book/72790/2002761>